

ИНКВИЗИЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ *

И. Р. Григулевич

Выяснение обстоятельств дела

Следующим этапом в инквизиционной процедуре являлся допрос обвиняемого, основная цель которого заключалась в том, чтобы добиться от него признания, а следовательно, и отречения от еретических воззрений и примирения с церковью. Допрос основывался на предположении виновности допрашиваемого, что оказывало, отмечает Г.-Ч. Ли, «огромное и печальное влияние на всю юридическую систему Центральной Европы в течение целых пяти столетий»¹. Обвиняемый в ереси, утверждал инквизитор Николас Эймерич, сам был обязан доказать свою невиновность, а не наоборот! Он поучал: «Хотя в гражданских делах обвиняемый может не свидетельствовать против самого себя и не раскрывать факты, которые могут служить доказательством его вины, такая обязанность существует в вопросах ереси»². Естественно, что большинство обвиняемых в ереси клялось в своей невиновности, в верности церковным канонам, выдавало себя за ревностных католиков. Одни это делали потому, что действительно так думали, другие — с тем, чтобы скрыть свои подлинные взгляды. Инквизиторы же и тех и других предавали аутодафе (публичная церемония осуждения и наказания еретиков).

Однако ошибочно думать, что главной целью инквизитора было бросить еретика в костер. Основным он считал превращение вероотступника из «слуги дьявола» в «раба господня». Инквизитор стремился «спасти» еретика, добиться от него раскаяния, отречения от «пагубных» верований, примирения с церковью. Но, чтобы такое превращение действительно произошло и не было бы очередным обманом «лукавого», обвиняемый должен был в доказательство искренности своего раскаяния выдать своих единомышленников. Бернар Ги приводит в своем «пособии» для инквизиторов следующий примерный текст клятвенного обещания, которое заставляли произнести раскаявшегося еретика его мучители в рясах: «Я клянусь и обещаю до тех пор, пока смогу это делать, преследовать, раскрывать, разоблачать, способствовать аресту и доставке инквизиторам еретиков любой осужденной секты, в частности такой-то, их «верующих», сочувствующих, пособников и защитников, а также всех тех, о которых я знаю или думаю, что они скрылись и проповедуют ересь, их тайных посланцев, в любое время и всякий раз, когда обнаружу их»³.

Допрос начинался с того, что обвиняемого заставляли под присягой дать обязательство повиноваться церкви, правдиво отвечать на вопросы инквизиторов, рассказать все, что он знает о еретиках и ереси, и признать законным и справедливым любое наказание, к которому он будет присужден инквизицией. После такой присяги какой-либо ответ обвиняемого, не устраивавший инквизитора, давал повод последнему обвинить свою жертву в клятвoprеступлении, лжесвидетельстве, отступничестве и ереси. Инквизитор избегал выдвигать конкретные обвинения в адрес еретика, ибо не без основания опасался, что его жертва будет готова дать любые требуемые от нее показания, лишь бы поскорее избавиться от своего мучителя. Инквизитор задавал десятки самых разнообразных, часто не имеющих никакого отношения к делу вопросов с тем, чтобы запутать допрашиваемого, уличить его в противоречивых показаниях, заставить наговорить с перепугу нелепости, покаяться в мелких грехах и пороках. Достаточно было инквизитору добиться признания в богохульстве, несоблюдении того или иного церковного обряда или нарушении супружеской верности, как, ухватившись за это, он вынуждал затем свою жертву признать и другие «прегрешения».

Умение вести допрос считалось главным достоинством инквизитора. Со временем возникла своеобразная необходимость в создании детальных инструкций и руководств, в которых суммировался опыт инквизиторов и приводились варианты допросов, предназначенных для последователей различных сект. Составители этих инкви-

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1968, №№ 10, 11.

¹ Г.-Ч. Ли. История инквизиции в средние века. Т. 1. СПб. 1911, стр. 259.

² «Le Manuel des Inquisiteurs, à l'usage des Inquisitions d'Espagne et du Portugal. Un abrégé de l'ouvrage intitulé: Directorium, inquisitionum, composé vers 1358 par Nicolas Eymeric grand Inquisiteur dans le Royaume d'Aragon. On y a joint une courte Histoire de l'établissement de l'Inquisition dans le Royaume de Portugal, tirée du latin de Louis à Paramo». Lisbonne. S. a., p. 34.

³ B. Gui. Manuel de l'Inquisiteurs. Vol. II. P. 1927, p. 29.

зиционных пособий исходили из предпосылки, что их жертвы являются бесовскими лжецами, хитрейшими лицемерами, «слугами дьявола», которых следовало разоблачить и заставить сознаться в своих «отвратительных преступлениях» любыми средствами и во что бы то ни стало. Бернар Ги отмечал, что невозможно составить раз и навсегда данную схему допроса. В таком случае, писал он, сыны преисподней быстро приносятся к ней и научатся без труда избегать расставляемые инквизиторамии силки⁴. Вот примерный образец допроса, которым рекомендовал руководствоваться тот же Ги: «Когда приводят еретика на суд, то он принимает самонадеянный вид, как будто бы он уверен в том, что невиновен. Я его спрашиваю, зачем привели его ко мне. С вежливой улыбкой он отвечает, что ожидает от меня объяснения этого. Я: «Вас обвиняют в том, что вы еретик, что вы веруете и учите несогласно с верованием и учением святой церкви». Обвиняемый (поднимая глаза к небу с выражением энергичного протеста): «Сударь, вы знаете, что я невиновен и что я никогда не исповедовал другой веры, кроме истинно христианской». Я: «Вы называете вашу веру христианской потому, что считаете нашу ложной и еретической. Но я спрашиваю вас, не принимали ли вы когда-либо других верований, кроме тех, которые считает истинными римская церковь?» Обвиняемый: «Я верую в то, во что верует римская церковь и чему вы публично поучаете нас». Я: «Быть может, в Риме есть несколько отдельных лиц, принадлежащих к вашей секте, которую вы считаете римской церковью? Когда я проповедую, я говорю многое, что у нас общее с вами, например, что есть бог, и вы веруете в часть того, что я проповедую; но в то же время вы можете быть еретиком, отказываясь верить в другие вещи, которым следует верить». Обвиняемый: «Я верую во все то, во что должен верить христианин».

Я: «Эти хитрости я знаю. Вы думаете, что христианин должен верить в то, во что веруют члены вашей секты. Но мы теряем время в подобных разговорах. Скажите прямо: веруете ли вы в бога-отца, бога-сына и бога-духа святого?» Обвиняемый: «Верую». Я: «Веруете ли вы в Иисуса Христа, родившегося от пресвятой девы Марии, страдавшего, воскресшего и восшедшего на небеса?» Обвиняемый (быстро): «Верую». Я: «Веруете ли вы, что за обедней, совершаемой священнослужителями, хлеб и вино божественной силой превращаются в тело и кровь Иисуса Христа?» Обвиняемый: «Да разве я не должен верить в это?» Я: «Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы верить, а веруете ли?» Обвиняемый: «Я верую во все, чему приказываете верить вы и хорошие ученые люди». Я: «Эти хорошие ученые принадлежат к вашей секте; если я согласен с ними, то вы верите мне, если же нет, то не верите». Обвиняемый: «Я охотно верую, как вы, если вы поучаете меня тому, что хорошо для меня». Я: «Вы считаете в моем учении хорошим для себя то, что в нем согласно с учением ваших ученых. Ну, хорошо, скажите, верите ли вы, что на престоле в алтаре находится тело господина нашего Иисуса Христа?» Обвиняемый (резко): «Верую в это». Я: «Вы знаете, что там есть тело и что все тела суть тела нашего господина. Я вас спрашиваю: находящееся там тело есть истинное тело господина, рождавшегося от девы, распятого, воскресшего, восшедшего на небеса и т. д.» Обвиняемый: «А вы сами верите этому?» Я: «Вполне». Обвиняемый: «Я тоже верю этому».

Я: «Вы верите, что я верю, но я вас спрашиваю не об этом, а о том, верите ли вы сами этому?» Обвиняемый: «Если вы хотите перетолковать все мои слова по-своему, а не понимать их просто и ясно, то я не знаю, как еще говорить. Я человек простой и темный и убедительно прошу вас не придираться к словам». Я: «Если вы человек простой, то и отвечайте просто, не вливая в стороны». Обвиняемый: «Я готов». Я: «Когда не угодно ли вам поклясться, что вы никогда не учили ничему не согласному с верою, признаваемой нами истинной?» Обвиняемый (бледнея): «Если я должен дать присягу, то я готов поклясться». Я: «Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы дать присягу, а о том, хотите ли вы дать ее». Обвиняемый: «Если вы приказываете мне дать присягу, то я присягну». Я: «Я не принуждаю вас давать присягу, ибо вы, веря, что клясться запрещено, свалите грех на меня, который принудил бы вас к нему; но если вы желаете присягнуть, то я приму вашу присягу». Обвиняемый: «Для чего же я буду присягать, раз вы не приказываете этого?» Я: «Для того, чтобы снять с себя подозрение в ереси». Обвиняемый: «Без вашей помощи я не знаю, как приступить к этому». Я: «Если бы мне пришлось приносить присягу, то я поднял бы руку, сложил бы пальцы и сказал: «Бог — мой свидетель, что я никогда не следовал ереси, никогда не верил тому, что не согласно с истинной верой».

Тогда он бормочет, как будто не может повторить слов, и делает вид, что говорит от имени другого лица так, что, не принося настоящей присяги, он в то же время хочет показать, что дает ее. В других случаях он обращает присягу в своего рода молитву, например: «Да будет мне свидетелем бог, что я не еретик». И если его после этого спрашивают: «Поклялись ли вы?», то он отвечает: «Разве вы не слышали?» Прижатый к стене, обвиняемый обращается к милосердию судьи и говорит ему: «Если я согрешил, то я согласен поклясться; помогите мне смыть с себя несправедливое и недобросовестное обвинение». Но энергичный инквизитор не должен позволять останавливать себя подобным образом, он должен неуклонно идти вперед, пока не добьется от обвиняемого сознания в заблуждениях или по меньшей мере открытого

⁴ Ibid. Vol. I, p. 9.

отречения под присягой, так что если позднее обнаружится, что он дал ложную клятву, то его можно будет, не подвергая новому допросу, передать в руки светской власти. Если обвиняемый соглашается клятвенно подтвердить, что он не еретик, то я говорю ему следующее: «Если вы собираетесь дать присягу для того, чтобы избежать кроста, но ваша присяга меня не удовлетворит ни десять, ни сто, ни тысячу раз, ибо вы взаимно разрешаете друг другу известное число клятв, данных в силу необходимости. Кроме того, если я имею против вас, как думаю, свидетельства, расходящиеся с вашими словами, ваши клятвы не спасут вас от кроста. Вы только оскверните вашу совесть и не избежите от смерти. Но если вы просто сознаетесь в ваших заблуждениях, то к вам можно будет отнестись со снисхождением»⁵.

Такая или подобная схема допроса могла запутать как «виновного» в ереси, так и любого иного человека, попавшего в инквизиторские тенета. Но все же добиться признаний только путем хитроумно и коварно построенной схемы допроса инквизиторам удавалось далеко не всегда. Тогда пускались в ход другие, не менее действенные средства — ложь, обман, запугивание. Чтобы добиться желаемого эффекта, инквизитор не останавливался перед прямой фальсификацией фактов. К обвиняемому в камеру подсаживали специально натренированных провокаторов, которые, прикидываясь его единомышленниками и доброжелателями, стремились получить против него новые улики или убедить его «сознаться». Инквизиторы использовали жену и детей обвиняемого, слезы и отчаяние которых могли сделать жертву более сговорчивой. «После угроз,— пишет Г.-Ч. Ли,— прибегали к ласкам. Заключенного выводили из его смрадной тюрьмы и помещали в удобной комнате, где его хорошо кормили и где с ним обращались с видимой добротой в расчете, что его решимость ослабнет, колеблясь между надеждой и отчаянием».

У инквизиторов было множество и других средств для того, чтобы сломить волю подсудимого. Они могли без следствия и суда держать его годами в тюрьме, где он был как бы заживо погребен. Инквизиторы располагали временем, они умели ждать. Они могли вынести даже ложный смертный приговор, чтобы заставить жертву в порыве отчаяния «заговорить». Они помещали обвиняемого, как это делалось в Венеции, в камеру с подвижными стенами, которые, сближаясь, неминуемо угрожали раздавить узника, или бросали жертву в камеру, постепенно заливаемую водой. Они держали обвиняемого в сыром, темном и зловонном подземелье, где крысы и насекомые превращали его жизнь в сущий ад. Тюрьмы инквизиции, указывает Г.-Ч. Ли, «были вообще невероятные конуры, но всегда существовала возможность, если это было в интересах инквизиции, сделать их еще более ужасными. Строгая тюрьма и суровая жизнь — положение узника на цепи, полумертвого от голода, в яме без воздуха — считалось прекрасным средством добиться признания»⁶.

«Акт милосердия»

Все эти бесчисленные средства инквизиторского воздействия приносили свои плоды, и многие узники кончали тем, что признавали не только действительные, но и вымышленные «преступления» против веры. Многие, но не все. Причем, как правило, чем серьезнее было обвинение, тем труднее инквизиторам удавалось добиться признания. Но последним, кроме признания, требовались еще и выдача вероотступником соучастников и, наконец, отречение его от «греховных заблуждений» и примирение с церковью. А это давалось еще труднее, чем признание. Когда инквизиторы приходили к заключению, что уговорами, угрозами, хитростью невозможно сломить обвиняемого, они прибегали к пыткам, исходя из посылки, что физические муки просвещают разум значительно эффективнее, чем муки моральные. Применение инквизицией пыток на протяжении многих веков и во многих странах — одно из ярчайших доказательств неспособности церкви одержать верх над своими идейными противниками чисто богословскими методами, силой убеждения. Теперь церковники в свое оправдание говорят, что, дескать, пытки не ими были издуманы; что они будто бы с незапамятных времен применялись светскими властями; что церковь-де только следовала их примеру. Эти лица, однако, забывают, что церковь подводила теоретический фундамент под пытки, представляя самую человеческую жизнь величайшей пыткой, наказанием за первородный грех Адама и Евы, по сравнению с чем истязание «бренного» тела во имя спасения души рассматривалось как акт милосердия по отношению к еретикам.

Нынешние богословы, оправдывающие применение пыток инквизицией ссылкой на подобную же практику светских властей, по-видимому, не отдают себе отчета в том, что они сами развенчивают миф о «божественном характере» церковного института. Хороша же «матерь божия» (так богословы именуют церковь), если она, следуя недостойному примеру светских властей, прибегает к услугам палача, истязаниями и пытками убеждая противников в своей правоте! Нельзя не отметить и того обстоятельства, что в XVIII в., когда передовые люди Европы осуждали пытки, церковь продолжала их защищать. Даже во второй половине XIX в. папа Пий IX в своем

⁵ Ibid., pp. 65—71; Г.-Ч. Ли. Указ. соч., стр. 260—261.

⁶ Г.-Ч. Ли. Указ. соч., стр. 264, 265.

печально знаменитом «Списке важнейших заблуждений нашего времени», опубликованном в 1864 г., осудил тех, кто утверждал, что церковь не имеет права применять к своим противникам насилие. Хотя к пыткам церковники прибегали по отношению к подозреваемым в ереси еще до установления инквизиционных трибуналов, узаконил пытки уже папа Иннокентий IV. Он предписал в булле «Для искоренения» (1252 г.): «Заставлять силой, не нанося членовредительства и не ставя под угрозу жизнь (какое проявление отеческой заботы о грешнике! — И. Г.) всех пойманных еретиков, как губителей и убийц душ и воров священных таинств и христианской веры, с предельной ясностью сознаваться в своих ошибках и выдавать известных им других еретиков, верующих и их защитников, так же, как воров и грабителей мирских вещей заставляют раскрыть их соучастников и признаться в совершенных ими преступлениях»⁷. Последующие папы подтверждали эту буллу. Александр IV, Урбан IV, Климент IV уполномочивали инквизиторов пытать еретиков, чтобы добиться от них признаний, выдачи сообщников и отречения от еретической веры. Причем инквизиторам разрешалось лично присутствовать во время истязаний и руководить ими⁸.

Хотя далеко не во всех делах по обвинению в ереси упоминается о пытках, это вовсе не означает, что к ним прибегали лишь в исключительных случаях. Церковный историк инквизиции Э. Вакандар вынужден признать: отсутствие во многих делах указаний на пытки объясняется тем, что показания, данные в результате пыток, считались недействительными, если они не подтверждались обвиняемым «добровольно» сутки спустя. Это подтверждение регистрировалось в протоколе с указанием, что оно было сделано добровольно, без применения угроз и насилия⁹. В таких случаях предшествующие показания, данные под пыткой, часто просто уничтожались. Пытки, применявшиеся инквизицией к своим жертвам, вызывали повсеместно ужас и возмущение, и церковь не могла не считаться с этим. Однако соборы и папы римские высказывались не за отмену пыток, а за их применение «с гарантиями справедливости». Так, Вселенский собор 1311 г. постановил, что пытки могут производиться только с согласия епископа. Но подобное условие не облегчало участь жертв инквизиции. Власть «священного трибунала» была столь всеобъемлющей, а внушаемый им страх так велик, что епископы смиренно одобряли все действия инквизиторов. К тому же разве инквизиторы действовали не в интересах тех же епископов, авторитет и власть которых они защищали? Другие постановления указывали на то, что пытки должны быть «умеренными» и применяться по отношению к обвиняемому единожды. Но инквизиторы при помощи богословских казуистов, с молчаливого согласия папского престола без труда обходили такого рода ограничения. Например, чтобы не испрашивать согласия епископа на пытку, инквизиторы заявляли, что постановления собора от 1311 г. относятся к обвиняемому, а не к свидетелям. Подвергая свидетелей пытке по своему усмотрению, инквизиторы утверждали, что то же можно делать с обвиняемыми, которые при допросах превращаются в «свидетелей» по своему собственному делу или по делам других. О том, что понимать под «умеренной» пыткой, решали сами инквизиторы. Они считали, что обвиняемого можно пытать до тех пор, пока от него не будут получены необходимые показания. Только после этого пытка была бы «неоправданной» жестокостью. Столь же простыми были уловки относительно указания об однократном применении пытки. Инквизиторы объявляли пытку «незаконченной», «прерванной» и возобновляли ее по своему усмотрению до тех пор, пока жертва не давала нужных показаний или когда они убеждались в том, что пыткой нельзя сломить подсудимого.

Обвиняемый, отказавшийся давать под пыткой нужные инквизиции показания, считался изобличенным, упорствующим и нераскаявшимся еретиком. В таких случаях его ждали отлучение от церкви и костер. Не меньшее ожесточение вызывал у инквизиторов и тот обвиняемый, который давал под пыткой требуемые от него показания, а затем отказывался подтвердить их. Такой непокорный считался «вновь впадшим в заблуждение» и как таковой подвергался новым суровым пыткам с тем, чтобы добиться от него «отречения от своего отречения». Инквизиция стремилась окутать покровом тайны все свои преступления. Ее сотрудники давали строжайший обет соблюдать секреты «священных трибуналов». Того же требовали и от жертв. Если примиренный с церковью и отбывший свое наказание вероотступник, обретя свободу, начинал утверждать, что раскаяние было добыто у него путем насилия, пыток и тому подобными средствами, то его могли вновь объявить еретиком и на этом основании отлучить от церкви и сжечь на костре. Церковные апологеты не раз утверждали, что инквизиционные пытки носили «гуманный» характер. Они ссылаются на то, что инквизитор прежде, чем передать обвиняемого палачу, зачитывал ему такое уведомление: «Мы, божьей милостью инквизитор имярек, внимательно изучив материалы дела, возбужденного против вас, и, видя, что вы путаетесь в своих ответах и что имеются достаточные доказательства вашей вины; желая услышать правду из вашего собственного рта и с тем, чтобы больше не уставали уши ваших судей, постановляем, за-

⁷ A. C. Shannon. The Popes and Heresy in the Thirteenth Century. Villanova. 1949, p. 85.

⁸ E. Vaccandard. The Inquisition. A Critical and Historical Study of the Coercive Power of the Church. N. Y. 1940, pp. 110—111.

⁹ Ibid., pp. 112—113.

являем и решаем такого-то дня и в таком-то часу применить к вам пытку»¹⁰. Затем обвиняемого как бы психологически подготавливали к предстоящим испытаниям: знакомили с инструментами пытки (фактически пугали). Инквизиторы, перед которыми во время допросов всегда лежала Библия, обращались к жертвам, не повышая голоса и якобы не подвергая их оскорблениям; палачи призывали свои жертвы к покаянию, смиреннию, благодарности, примирению с церковью, обещая взамен всепрощение и вечное спасение.

Исходя из этих будто бы благочестивых побуждений, они были вынуждены-де карать еретиков решительно и беспощадно. Но эти кары не являются злом, а представляют собой спасительное «лекарство», елей на душевные раны обвиняемых. Инквизиция, утверждала богословы, не мстила, а спасала, а наказывала, а отвоевывала у дьявола человеческую душу, не уродовала, а врачевала души заблудших. Инквизиция, в описаниях теологов, не мрачный застенок с палачами и инструментами пыток, а некое подобие благотворительного института, церковной «скорой помощи». «Сопротивлявшиеся ее благодетельным усилиям,— отмечает Г.-Ч. Ли,— становились виновными в неблагодарности и непослушании, темного пятна которого ничто не могло изгладить. Это были отцеубийцы, недостойные снисхождения, и если их бичевали, то им же еще оказывали этим особую милость»¹¹. Да, инквизиторы не топтали своих жертв ногами, не избивали их палками, не вгоняли им иглы под ногти. Набор палаческих инструментов в камере пыток был весьма «однообразным»: дыба, кобыла, плети. Часто применялась пытка водой, жаждой, голодом. После пытки врач даже задевал раны, ибо на костер надлежало возводить еретика невредимым. Но от этого, естественно, положение узника инквизиции не становилось менее трагичным. Чтобы спастись, подсудимый должен был прежде признать себя виновным в предъявленном ему обвинении, а затем выдать подлинных или воображаемых сообщников. Лишь тогда ему разрешали отречься от ереси и примириться с церковью. Если все это он проделывал охотно и со рвением, то мог отделаться сравнительно легким наказанием. Если же инквизиторам удавалось его сломить только после длительной «обработки», то его ждала более суровая кара. Наконец, если же он упорствовал в «еретических заблуждениях», его бросали на костер.

Приговор

Следствие закончено. Теперь трибуналу инквизиции предстояло вынести приговор, который соответствующим образом покарал бы виновного. Создав инквизицию, церковь постоянно доказывала ссылками на Библию, на сочинения Фомы Аквинского и других богословских авторитетов свое право применять не только духовные, но и телесные кары к провинившимся в вопросах веры. Иннокентий III в послании к судьям города Витербо от 25 марта 1199 г. так аргументировал необходимость жестокого преследования еретиков: «Светские законы наказывают предателей конфискацией собственности и смертью; из милосердия они щадят их детей. Тем более мы должны отлучать от церкви и конфисковывать собственность тех, кто является предателем веры Иисуса Христа; ибо куда более великий грех нанесение оскорбления божественному величию, чем величю суверена»¹². Постановление Тридентского собора (1545—1563 гг.) призывало епископов беспощадно наказывать своих прихожан за отступничество от официального вероучения и в то же время относиться к ним с «любовью и терпением». Вот текст этого чисто иезуитского по своему духу постановления, вошедшего составной частью (§ 2244) в ныне действующий кодекс канонического права:

«Да помнят епископы и прочие прелаты, что они пастыри, а не палачи, и да управляют они своими подданными, не властвуя над ними, а любя их подобно детям и братьям; стремясь призывами и предупреждениями отделить их от зла, дабы не наказывать их справедливыми карами, если они совершат проступки; и если все же случится, что из-за человеческой бренности они совершат проступки, то их следует исправлять, как учил апостол, соблюдая доброту и терпение, при помощи убеждений и горячих просьб; ибо во многих подобных случаях приносит большую пользу благожелательство, чем строгость, призыв к исправлению, чем угроза, милосердие, чем сила; если же серьезность преступления требует наказания, тогда следует применить суровость с кротостью, справедливость с состраданием, строгость с милосердием для того, чтобы, не создавая резких контрастов, сохранилась дисциплина, полезная и необходимая народам, и для того, чтобы те, кто наказан, исправились бы; если же они не желают этого, то пусть постигшее их наказание послужит другим оздоравливающим примером и отвратит их от греховных дел»¹³.

Это было написано в середине XVI в., когда ярко пылали костры инквизиции в Испании, Португалии и в других странах, где католическая церковь сохраняла свои преобладающие позиции. Собственно говоря, инквизитор, как и любой священник,

¹⁰ «Le Manuel des Inquisiteurs...», p. 78.

¹¹ Г.-Ч. Ли. Указ соч., стр. 291.

¹² E. Vacandard. Op. cit., p. 45.

¹³ «Código de Derecho Canónico y legislación complementaria». Madrid. 1950, pp. 795—796.

отлучал нарушителей церковных канонов от церкви и налагал на них другие кары. И все же между инквизитором и священником разница была весьма существенной. Последний не располагал средствами насилия и принуждения, и поэтому его осуждение не производило должного впечатления на «вероотступников». Другое дело — инквизитор, обладавший не только неограниченной властью над телом и душой своих жертв, но и мощными средствами, делавшими эту власть эффективной. Отлучение, провозглашенное инквизитором, грозило костром, в лучшем же случае длительным тюремным заключением и потерей состояния, не говоря уж о моральных и физических пытках. Хотя обвиняемый формально не был лишен возможности нанять себе защитника, как указывает Н. Эймерич, на практике подобное действие исключалось, ибо защитник еретика сам мог быть заподозрен в ереси, арестован и осужден инквизицией. Он вообще не был гарантирован от того, что не повредит своему клиенту. Его тоже могли привлечь к суду в качестве свидетеля, заставив под пыткой рассказать о подлинных взглядах обвиняемого, родственников подсудимого и друзей и выдать имеющиеся у него самого и компрометирующие его подзащитного материалы. В Испании же защитник назначался инквизицией, так что, по сути дела, это был не защитник, а сотрудник инквизиции, помогавший осудить обвиняемого. Такое положение вынужден признать даже иезуит Бернардино Льюрка: «Вполне понятно, что, будучи казенным адвокатом, принадлежа, по существу, к числу сотрудников инквизиции, защитник действовал, исходя из тех же принципов, которыми руководствовался и святой трибунал, хотя и представлял интересы обвиняемого и использовал все, что могло бы облегчить его участь. Таким образом, как только выяснялась виновность преступника, адвокат прекращал его защиту, ибо в конце концов его целью, как и инквизиторов, было преследование ереси. Кроме того, и именно по той же причине, один из первых его советов обвиняемому — дать правдивые показания, признаться в ереси, в которой его обвиняли»¹⁴.

Невежество не спасало обвиняемого от кары, ибо, писал Бернар Ги, невежда подлежал осуждению, являясь сыном «отца лжи», то есть самого дьявола. Несколько смягчали участь жертв инквизиции упомешательство или опьянение, но и в том и в другом случае обвиняемый был обязан согласиться с выдвинутым против него обвинением и признать себя виновным, если хотел избежать коста. От обвинительного приговора жертва инквизиции не могла избавиться, даже покончив жизнь самоубийством. Такой акт считался признанием вины. Еще меньше шансов на оправдательный приговор имелось у тех, кто судился инквизицией заочно или посмертно. Вообще инквизиция никогда не оправдывала свои жертвы. В лучшем случае приговор гласил, что «обвинение не доказано». Это означало, что оно может быть доказанным в будущем. Оправдательный же приговор мог послужить помехой для нового процесса против той же жертвы. Иногда таких «оправданных» выпускали под большой залог на свободу, обязывая их ежедневно являться к дверям трибунала инквизиции и стоять там «от завтрака до обеда и от обеда до ужина» на случай, если инквизицией будут обнаружены новые улики и потребуется вновь водворить этих людей за решетку. В отличие от светских судов приговоры инквизиции, если не шла речь об отлучении и, следовательно, о костре, носили весьма расплывчатый и неопределенный характер. Инквизитор имел право смягчить, увеличить или возобновить вынесенное по приговору наказание. Такой угрозой заканчивался каждый приговор. Поэтому даже после вынесения приговора осужденный не был уверен в том, что его мытарства закончатся: инквизитор мог присудить свою жертву к повторным епитимьям (покаяниям), к новому тюремному заключению или даже к костру. Прав был францисканский монах Бернар Делисье, публично зарвавшийся в начале XIV в. в присутствии французского короля Филиппа IV, что инквизиция при существующей системе могла обвинить в ереси самих святых апостолов Петра и Павла и они были бы не в состоянии защитить себя. Им не предъявили бы никаких конкретных обвинений, не ознакомили бы с именами свидетелей и их показаниями. «Каким же образом, — вопрошал Бернар Делисье, — могли бы святые апостолы защищать себя, особенно при том условии, что всякого, явившегося к ним на помощь, сейчас же обвинили бы в сочувствии ереси?» Приводя эту цитату, Ли присовокупляет: «Все это, безусловно, верно. Жертва была связана путами, вырваться из которых ей было невозможно, и всякая попытка освободиться от них еще только хуже затягивала узлы»¹⁵.

Инквизиция нередко действовала на основе противоречивых и туманных указаний римских пап и постановлений соборов. Некоторые инквизиторы составляли для своих коллег особое руководство, нечто подобное процессуальным кодексам. В Испании инквизиторы, начиная с Торквемады, издавали инструкции, регулировавшие деятельность «священного трибунала», давали пояснения на запросы провинциальных и колониальных инквизиторов. Отсутствие четкого законодательства приводило к произволу и сказывалось на приговорах. Приговоры инквизиции, как правило, отличались жестокостью. Как отмечает Ли, «ересь была столь тяжелым преступлением, что ее нельзя загладить ни сердечным сокрушением, ни возвратом к добру. Хотя церковь объявляла, что она с радостью принимает в свои материнские объятия заблудших и раскаявших-

¹⁴ В. Llorca. La Inquisición en España. Madrid—Barcelona. 1936, p. 210.

¹⁵ Г. Ч. Ли. Указ. соч., стр. 284.

ся, но тем не менее обратный путь к ней был труден для виновного, и грех его мог быть отмыт только ценою епитимий достаточно суровых, чтобы свидетельствовать об искренности его обращения»¹⁶.

К каким же наказаниям присуждал трибунал инквизиции? В первую очередь к различным епитимьям — от «легких» до «унизительных», затем к тюремному заключению, обычному или строгому, к галерам и, наконец, к отлучению от церкви и передаче осужденного светским властям для сожжения его на костре. Почти всегда эти виды наказаний сопровождалась бичеванием осужденных и конфискацией их имущества. Нарбоннский собор (1244 г.) указал инквизиторам, что они не должны щадить мужа ради жены, жену ради мужа, отца ради детей, единственным кормильцем которых он был; ни возраст, ни болезнь не должны были влиять на смягчение приговора. Другой отличительной чертой этого суда было то, что, кроме осужденного, несли наказание его дети и потомки. Иногда вплоть до третьего поколения. Они не только лишались права наследства, но и гражданских прав. Им запрещалось занимать государственные должности, быть врачами, аптекарями, адвокатами, нотариусами, менялами, вступать в монашеские ордена, принимать священнический сан. Николас Эймерич обосновывал право инквизиции наказывать детей за преступления отцов следующими соображениями: «Жалость к детям виновного (в ереси.— *И. Г.*), вынужденных заниматься нищенством, не может смягчить эту строгость, ибо, согласно божественным и человеческим законам, дети несут наказание за ошибки их родителей. Дети еретиков, даже если они католики, не являются исключением из этого правила, и им не следует ничего оставлять (из имущества отца.— *И. Г.*), даже того, что им полагается согласно естественному закону»¹⁷.

Обычные епитимьи, накладываемые инквизицией,— чтение молитв, посещение храмов, посты, строгое исполнение церковных обрядов, хождение по святым местам, штрафы (пожертвования на «богоугодные» дела) — отличались от такого же рода наказаний, к которым прибегали священники, тем, что инквизиция применяла их к своим жертвам в «лошадиных» дозах. Такие епитимьи превращались в подлинное «подвиги благочестия» и вызывали не только моральные муки наказуемого, но приводили его самого и его семью к полной нищете. Осужденный инквизицией превращался в изгоя. Соседи и знакомые сторонились его, как прокаженного, опасаясь, что он может вновь впасть в ересь и быть привлеченным к суду инквизиции, а тогда вместе с ним могут пострадать его знакомые и друзья, на которых в таких случаях падало подозрение в содействии еретикам. Строгое соблюдение церковных обрядов, чтение молитв (иногда предлагалось повторять в присутствии свидетелей десятки раз в день одни и те же молитвы), изнурительные посты сверх предписанных церковью, пожертвования, частые паломничества к «святым» местам — все это превращалось в тяжелейшее наказание, длившееся иногда годами. Причем малейшее несоблюдение епитимий грозило новым арестом и еще более суровыми карами. В XIII в. популярным наказанием было принудительное участие в крестовых походах, однако инквизиторы впоследствии отказались от таких епитимий, опасаясь, что бывшие еретики окажут пагубное воздействие на крестоносцев.

Но если столь изнурительными были «легкие» наказания, то можно себе представить, каким бременем ложились на плечи жертвы инквизиции так называемые «унизительные» наказания. В таких случаях ко всем перечисленным выше карам прибавлялось еще ношение позорящих знаков в виде больших холщовых нашивок шафранового цвета в форме креста. В Испании осужденного одевали в желтую рубашку без рукавов с нашивками на ней изображениями чертей и огненных «языков» из красной материи; на голову осужденный должен был надевать шутовской колпак. Позорящие нашивки осужденный носил дома, на улице и на работе, чаще всего всю свою жизнь, лишь обновляя их. Обладатель подобных нашивок был объектом постоянных издевательств со стороны обывателей, хотя соборы лицемерно призывали верующих относиться к носителям позорящих знаков с «кротостью и сожалением». Таким образом, отмечает Ли, «ношение креста, этой эмблемы христианства, было одним из самых тяжелых наказаний»¹⁸. В числе «показательных» кар, которым подвергались жертвы инквизиции, фигурировало публичное бичевание. Осужденного, обнаженного по пояс, бичевали священник в церкви во время богослужения; его бичевали во время уличных религиозных процессий; раз в месяц он должен был ходить после обедни полуобнаженным в дома, где «грешил», и получать там удары розгой от верующих. Весьма часто осужденный подвергался таким экзекуциям до конца своей жизни. Бичевание применялось столь часто, что в средние века бытовала поговорка: «Можно спастись от инквизиции, избежав костра, но не порки».

Следующим наказанием была тюрьма, причем пожизненное заключение считалось проявлением высшей степени милосердия. Тюремное заключение было трех видов: каторжная тюрьма, когда заключенного содержали в одиночной камере в ручных и ножных кандалах; строгое тюремное заключение, когда осужденный сидел в одиночной камере в ножных кандалах, иногда прикованный к стене; простое тюремное заключение предусматривало заключение в общих камерах без кандалов. Заключенных содер-

¹⁶ Там же, стр. 292.

¹⁷ «Le Manuel des Inquisiteurs...», p. 109.

¹⁸ Г.-Ч. Ли. Указ соч., стр. 297.

жали на хлебе и воде, постелью им служила охалка соломы. Узникам запрещались контакты с внешним миром. Эймерич считал, что заключенных могут навещать только ревностные католики, ибо осужденные склонны к возврату к ереси и легко «заражают» ею других. Узник инквизиции, разумеется, мог, если располагал скрытыми от нее средствами, подкупить тюремщиков и обеспечить себе некоторые поблажки и льготы. Но это удавалось сравнительно редко, ибо инквизиторы, зная продажность тюремщиков, зорко наблюдали за ними и сурово наказывали уличенных в недозволенных сношениях с узниками. Правда, случалось, что инквизиторы взамен за предательство или другие оказанные им услуги, а иногда из-за недостатка тюремного помещения выпускали на свободу некоторых осужденных. Но это никогда не было их амнистией или реабилитацией. Следуя указаниям, данным Иннокентием IV в 1247 г., инквизиторы, освобождая заключенного, предупреждали его, что при первом же подозрении он будет немедленно возвращен в тюрьму и жестоко наказан без всякого суда и следствия. Вся жизнь такого бывшего узника инквизиции, по словам Ли, «принадлежала молчаливому и таинственному судье, который мог разбить ее, не выслушав его оправданий, не объяснив причин. Он навсегда отдавался под надзор инквизиционной полиции, состоявшей из приходского священника, монахов, духовных лиц и всего населения, которым приказывалось доносить о всяком упущении, сделанном им в исполнении наложенной на него епитимьи, о всяком подозрительном слове и действии, за что он тем самым подвергался ужасным наказаниям как еретик-рецидивист. Ничего не было легче для личного врага, как уничтожить подобного человека, и сделать это было тем легче, потому, что доносчик знал, что имя его будет сохранено в тайне. Мы вполне справедливо жалеем жертвы костра и тюрьмы, но было ли их положение более печально, чем участь множества мужчин и женщин, ставших рабами инквизиции после того, как она пролила на них свое лицемерное милосердие?»¹⁹.

В XIII в. инквизиторы, осудив еретика, приказывали разрушить и сжечь с землей его дом. Однако со временем стремление завладеть имуществом осужденных взяло верх, и инквизиция отказалась от такого рода разрушений. В испанских и португальских колониях инквизиторы среди прочих наказаний осуждали свои жертвы на каторжные работы, заставляя их трудиться как рабов в монастырях, или посылали в Испанию служить на галеры, где их приковывали к сиденьям и веслам. В отличие от светских судов, для которых смерть обвиняемого снимала его вину, инквизиция, как уже говорилось выше, судила и преследовала не только живых, но и мертвых. Она расправлялась с ними столь же бесцеремонно, как и с живыми. Она могла обвинить в ереси и человека, давно умершего (сто или даже двести лет тому назад). Основанием для судебного дела могло послужить заявление любого фискала или фабрикованный с этой целью «обличительный» документ. В таких случаях выносились приговоры, постановляющие сжечь останки еретика и пепел развеять по ветру, имущество же изъять у наследников и конфисковать. Такие процессы чаще всего возбуждались с единственной целью — завладеть имуществом жертвы, к которому инквизиция проявляла порой больший интерес, нежели к спасению душ вероотступников. Деятельность инквизиции, свидетельствует Г.-Ч. Ли, протекала в «безумном вихре хищений».

Секвестрация имущества автоматически следовало за арестом лица, подозреваемого в ереси, причем конфисковывалось все — от недвижимой собственности до домашней утвари и личных вещей арестованного. Вследствие этого семья жертвы инквизиции оказывалась лишенной средств к существованию; ее ждало нищенство или голодная смерть. В начале массового преследования еретиков на Юге Франции часть конфискованных средств использовалась на строительство тюрем, которых не хватало. В этот период еретики не только сами финансировали строительство своих темниц, но и участвовали непосредственно в их строительстве, что считалось проявлением особой преданности церкви. Впоследствии конфискованные средства делились между инквизицией, городскими властями и епископом. Французская корона и Венецианская республика со временем стали присваивать награбленные инквизицией путем конфискации средства. В папских владениях львиная доля награбленного поступала в папскую казну. Значительная часть этих средств оседала и в карманах самих инквизиторов, помещиков, фискалов и их родственников²⁰. Массовые аресты еретиков, сопровождавшиеся секвестрацией имущества, быстро превращали цветущие экономические районы, каким была Южная Франция в начале XIII в., в руины. «Конечно, — отмечает Ли, — было бы несправедливым говорить, что скупость и жажда к грабежу были главными двигателями инквизиции, но нельзя отрицать, что эти низкие страсти играли видную роль. Все, занимавшиеся преследованием, всегда имели в виду материальную выгоду. Не заинтересованная материально инквизиция не пережила бы первой вспышки фанатизма, породившего ее; она могла бы существовать только в течение одного поколения, а затем исчезла бы и возродилась бы снова с возрождением ереси; и катаризм, против которого не было бы систематического и долгого преследования, мог бы избежать полного уничтожения. Но в силу законов о конфискации еретики сами сделались виновниками своего падения. Алчность и фанатизм подали друг другу руку и в течение целого столетия были сильными двигателями жестокого, непрерывного и

¹⁹ Там же, стр. 313.

²⁰ A. C. Shannon. Op. cit., pp. 98—99.

неумолимого преследования, которое выполнило свои планы и прекратилось только за отсутствием жертв»²¹.

О характере наказаний некоторое представление могут дать сведения о 636 приговорах инквизитора Бернара Ги, вынесенных им за 1308—1322 гг.: лица, выданные светской властью и сожженные живыми, — 40; вырытые и сожженные останки умерших — 67; осужденные к тюремному заключению — 300; вырытые останки лиц, которые были бы присуждены к тюремному заключению, — 21; осужденные на ношение крестов — 138; осужденные на паломничества — 16; осужденный за неучастие в крестовом походе — 1; беглецы — 36; осужденный за чтение талмуда (иудейской священной книги) — 1; дома, подлежащие разрушению, — 16: Эти данные красноречивы еще и потому, что здесь нет ни одного оправдательного приговора. Приговор «священного трибунала» считался окончательным и обжалованию не подлежал. Теоретически осужденный мог, конечно, обратиться к папскому престолу с просьбой о помиловании или пересмотре дела. Но такие обращения были чрезвычайно редким явлением. Сам осужденный, находившийся в руках инквизиции, был лишен практически возможности обжаловать ее действия. А его родственники или друзья опасались делать это из боязни репрессий со стороны инквизиторов, считавших жалобы на их действия проявлением гордыни и чуть ли не доказательством еретических воззрений. К тому же жалобы подобного рода были совершенно бесполезны: папский престол обычно не отвечал на них.

Уровень инквизиторского террора не всегда был столь высок, как в XIII в.; на протяжении своей многовековой истории у инквизиции имелись взлеты и падения. Она неоднократно меняла объекты террора и его формы. Но цель ее деятельности всегда оставалась неизменной: укрепление позиций церкви и ее союзников — господствующих эксплуататорских классов путем преследования инакомыслящих, реальных или вымышленных врагов церкви и опекаемого ею несправедливого социального порядка.

Аутодафе и костер

Того из вероотступников, кто упорствовал в своих воззрениях и не желал вернуться в лоно католической церкви, того, кто отказывался признать свои прегрешения и примириться с церковью, того, кто, примирившись, вновь впадал в ересь, а также осужденного заочно и пойманного еретика — всех их инквизиция отлучала от церкви и «отпускала на волю»²². Эта невинная на первый взгляд формулировка таила в себе смертный приговор обвиняемому. Осужденный «отпускался на волю» в том смысле, что церковь отказывалась впредь заботиться о его вечном спасении, отрекалась от него. Обретения таким образом осужденным «воля» влекла за собой не только позорную смерть на костре, но и вечную «гибель» его души в потустороннем мире. Наказание, невообразимо жестокое для истинно верующего человека, но, по мнению инквизиторов, вполне заслуженное теми, кто отказался от «материнской» опеки церкви, предпочитая «служить дьяволу». Упорствующий еретик не мог рассчитывать на христианское сострадание, милосердие и любовь. Его должна была поглотить не в фигуральном, а в буквальном смысле геенна огненная. Инквизиторы предпочитали, чтобы эта кара налагалась светской властью. Разные авторы по-разному пытались объяснить подобную щепетильность инквизиторов, тем более что католическая церковь не только в далеком прошлом, но и в наше время оставляет за собой право карать вероотступников всеми видами наказаний, не исключая смертную казнь. Считать, что инквизиторы, применявшие самые изощренные пытки к своим жертвам, стеснялись самостоятельно казнить еретиков, вряд ли логично. Объяснение этому следует искать в желании церкви превратить светскую власть в соучастника своих преступлений. Еще до учреждения инквизиции церковь стремилась обязать светскую власть преследовать еретиков. Добиться этого она не смогла и поэтому была вынуждена организовать свой собственный репрессивный орган — инквизицию. Однако зловещую привилегию официально выносить смертные приговоры, казнить еретиков и оплачивать палачу²³ церковь оставляла светским властям. Итак, если еретик не отрекался от своих «ложных и ошибочных» убеждений, то церковь отрекалась от него, передавая вероотступника гражданским властям с предписанием наказывать его. В более поздние времена такого рода обращения сопровождались просьбами проявить к осужденному милосердие. Оно проявлялось в том, что раскаявшегося смертника ду-

²¹ Г.-Ч. Ли. Указ. соч., стр. 335—336.

²² «Le Manuel des Inquisiteurs...», р. 133.

²³ Вот один из таких счетов по сожжению четырех еретиков в Каркассоне 24 апреля 1323 г.:

дрова	55	солидов	6	денариев
хворост	21	»	3	»
солома	2	»	6	»
4 столба	10	»	9	»
веревки	4	»	7	»
палачу по 20 солидов с головы	80	»		

Итого: 8 ливров 14 солидов 7 денариев (Г.-Ч. Ли. Указ. соч., стр. 348).

шили перед казнью или надевали на его шею «воротник», начиненный порохом, чтобы сократить мучения несчастного.

Нельзя сказать, чтобы светские власти в католических странах всегда беспрекословно и с усердием выполняли навязываемые им церковью карательные функции. В XIII и XIV вв. во многих местах светские власти отказывались по различным причинам «поступать с еретиками, как принято с ними поступать», то есть посылать их на костер. Главная причина заключалась в том, что слепое повиновение приказам инквизиции превращало светскую власть из союзника церкви в ее вассала. Там, где инквизиция была подчинена королевской власти, например, в Испании и Португалии, такого противоречия не возникало. Но во Франции, Германии, итальянских республиках и княжествах, где церковь пыталась взять верх над светской властью, чрезмерное усиление влияния инквизиции постоянно вызывало сопротивление светских властей. На подобные случаи папский престол реагировал решительно и без промедления. Виновные в невыполнении приказов инквизиции, в частности в отказе посылать на костер еретиков, отлучались от церкви; на непокорные города накладывался интердикт (запрещение отправления богослужения и совершения религиозных обрядов); папский престол призывал верующих не платить налоги и не подчиняться таким властям. Утверждение, что церковь не полномочна выдавать еретиков светской власти и требовать от последней предания их смертной казни, было признано Констанцским собором (1414—1418 гг.) еретическим и фигурировало в качестве одного из пунктов обвинения, выдвинутого против Яна Гуса. Инквизиция была более заинтересована в отречении еретика от его воззрений, чем в героической смерти этого вероотступника на костре. «Оставим в стороне заботу о возможности спасения души,— отмечает Ли.— Обращенный, выдающий своих соумышленников, был более полезен для церкви, чем обугленный труп; поэтому не жалели усилий, чтобы добиться отречения. Опыт показал, что фанатически настроенные люди часто жаждали мучений и желали скорой смерти на костре; но инквизитор не должен был являться исполнителем их желаний. Он знал, что первый пыл часто уступал действию времени и мучений, поэтому он предпочитал держать упорствующего еретика, одинокого и закованного, в тюрьме в течение шести месяцев или целого года; к нему допускались лишь богословы и законоведы, которые должны были действовать на его ум, или его жена и дети, которые могли склонить его сердце. И только тогда, когда все усилия не приводили ни к чему, его «выпускали на волю»; но даже и после этого казнь откладывалась на день, чтобы он мог отречься, что, впрочем, случалось редко, так как не уступавшие до этого времени обыкновенно не поддавались никаким убеждениям»²⁴.

О том, как совершалась казнь еретика, сохранилось большое количество описаний современников. Постепенно выработался своеобразный ритуал, которого инквизиция повсеместно придерживалась. Обычно исполнение приговора назначалось на праздничный день. Население призывалось присутствовать при казни. Уклонение от такого приглашения, как и проявления симпатий или жалости к вероотступнику, могло навлечь подозрение в ереси. В Испании и Португалии, а также в других странах костру предшествовало аутодафе, устраиваемое на празднично убранной центральной площади города где в присутствии церковных и светских властей, при большом стечении народа совершалось торжественное богослужение, а затем оглашался приговор инквизиции осужденным вероотступникам. Аутодафе устраивалось несколько раз в год, и на нем иногда подвергались экзекуции десятки жертв инквизиции. За месяц до его проведения приходские священники оповещали верующих о предстоящем аутодафе, приглашая участвовать в нем и обещая за это индулгенцию на 40 дней. Накануне аутодафе на улицах развешивались флаги, girлянды цветов, балконы украшались коврами. На центральной площади воздвигался помост, на котором устанавливались алтарь под красным балдахином и ложи для короля или местного правителя и для представителей светских, военных и церковных властей. Присутствие дам и детей приветствовалось. Так как аутодафе длилось иногда весь день, то у помоста строились общественные уборные. Накануне проходила как бы генеральная репетиция аутодафе. По главным улицам города двигалась процессия прихожан, возглавлявшаяся «конгрегацией св. Петра-мученика» (итальянского инквизитора, убитого в XIII в. за его злодеяния противниками инквизиции). Члены этой конгрегации занимались подготовкой аутодафе: строили помост, подготавливали место для костра (в Испании оно называлось кемадеро — жаровня). Вслед за процессией прихожан следовал персонал местной инквизиции в белых капюшонах и длинных балахонах, скрывавших от людских глаз их лица. Два участника процессии несли зеленоцветные штандарты инквизиции, один из которых водружался на помосте аутодафе, другой — около «жаровни».

С восходом солнца тюрьма инквизиции гудела, точно улей. Заключенных, понятия не имевших об уготованной им участи, о степени наказания, к которому они присуждены (они узнавали об этом только на аутодафе), стража готовила к предстоящей экзекуции. Их стригли, брили, надевали на них чистое белье, кормили обильным завтраком, иногда даже угощали стаканом вина. Затем набрасывали им на шею петлю из веревки и в связанные руки давали зеленую свечу. В таком виде

²⁴ Там же, стр. 341.

осужденных выводили на улицу, где их ожидали стражники и «родственники» инквизиторов. Особо злостных еретиков сажали спиной вперед на ослы. Заключенных вели к кафедральному собору, откуда начиналась процессия. В ней участвовали те же лица, что и накануне. Теперь они шествовали со штандартами приходов, затянутыми в знак траура черной материей. Фискалы несли манекены, изображавшие умерших, сбегавших или непойманых еретиков, осужденных на костер. Процессия, участники которой пели траурные церковные гимны, медленно направлялась к площади, где должно было состояться аутодафе. Монахи, сопровождавшие заключенных, громко призывали их покаяться и примириться с церковью. Горожане наблюдали за процессией из окон домов или с тротуаров. Следуя указаниям церковников, многие из них осыпали заключенных бранью. Однако бросать в еретиков какие-либо предметы запрещалось, ибо практика показывала, что от этого могли пострадать не только жертвы инквизиции, но и сопровождавшая их стража.

Тем временем на месте аутодафе собирались светские и церковные власти, гости, располагавшиеся на трибунах, а также горожане, заполнявшие площадь. По прибытии процессии к месту экзекуции заключенных усаживали на скамьях позора, установленных на помосте несколько ниже почетных трибун. Затем начиналась траурная месса. За ней следовала проповедь инквизитора, которая кончалась оглашением приговоров. Приговоры, чрезвычайно длинные, изобилующие цитатами из библии и произведений «отцов церкви», читались медленно и по-латыни. Осужденные с трудом улавливали их смысл. Если осужденных было много, то на оглашение приговоров иногда уходило несколько часов. Венчалось аутодафе экзекуциями: одних осужденных облекали в «санбенто» и штуровские колпаки, других стегали плетями, третьих стражники и монахи волокли на «жаровню». Она располагалась на соседней площади, куда вслед за смертниками направлялись церковные, светские власти и рядовые горожане. Здесь накануне сооружался эшафот со столбом в центре, к которому привязывали осужденного; заготовливались дрова и хворост. Сопровождавшие смертников монахи и «родственники» пытались в эту последнюю минуту принудить тех к раскаянию. О желании раскаяться осужденный мог дать сигнал только знаком, так как, опасаясь, что он будет склонять народ в пользу ереси, его вели на казнь с кляпом во рту. Когда зажигался костер, особо уважаемым прихожанам предоставлялось почетное право подбрасывать в огонь хворост, чем они приумножали перед церковью свои добродетели. Согласно преданию, Ян Гус во время своей казни сказал одной старушке, занимавшейся столь богоугодным делом: «О, святая простота!»

Палачи пытались так соорудить костер, чтобы его огонь не оставил бы и следа от осужденного. Если так не получалось, палачи рубили обуглившиеся останки на мелкие части, кости дробили, и это месиво повторно предавалось огню. Пепел, тщательно собранный, выбрасывали в реку или развевали по ветру. Подобной процедурой инквизиторы пытались лишить еретиков возможности сохранить останки своих мучеников и поклоняться им. Если осужденный на костер умирал до казни, то сжигали его труп. Сожжению предавались и останки тех, кто был осужден посмертно. В испанской и португальской инквизиции было принято сжигать на костре куклы, изображавшие смертников. Такой символической казни подвергались осужденные на пожизненное заключение, а также бежавшие из тюрьмы или от преследований инквизиции. Костер использовался инквизицией и для уничтожения сочинений вероотступников, иноверцев и неугодных церкви писателей. По указанию инквизиции предавались огню тысячи крамольных богословских сочинений, беспощадно истреблялись коран, талмуд, протестантские издания библии, произведения несториан, манихеев, ариан, катаров и прочих еретиков, почти полностью уничтоженные церковными палачами.

Считала ли инквизиция себя безгрешной, не способной осудить невинного, бросить в костер ни в чем не повинного человека? Вовсе нет. Николас Эймерич, например, вовсе не отрицал, что среди жертв инквизиции могли оказаться и невинные люди. Но, ругая он, «если невинный несправедливо осужден, он не должен жаловаться на суждение церкви, которая выносила свой приговор, опираясь на достаточные доказательства, и которая не может заглядывать в сердца, и если лжесвидетели способствовали его осуждению, то он обязан принять приговор со смирением и возрадоваться тому, что ему выпала возможность умереть за правду». Возникает вопрос, продолжает рассуждать тот же Эймерич, вправе ли оговоренный лжесвидетелем верующий, пытаясь спасти себя от смертного приговора, признаться в ереси и покрыть себя в результате такого признания позором? «Во-первых,— объясняет инквизитор,— репутация человека — внешнее благо, и каждый свободен пожертвовать ею с тем, чтобы избежать пыток, приносящих страдания, или спасти свою жизнь, являющуюся самым драгоценным из всех благ; во-вторых, потеря репутации не наносит никому вреда». Если же, заключает Эймерич, такой осужденный откажется «пожертвовать своей репутацией» и признать себя виновным, то исповедник обязан его призвать встретить пытки и смерть со смирением, за что ему будет уготовлена на том свете «бессмертная корона мученика»²⁵.

Террористическая деятельность инквизиционного трибунала, действовавшего на протяжении столетий в ряде стран, наложила отпечаток на светский суд. Как справедливо отмечает Г.Ч. Ли, до конца XVIII в. в большей части Европы инквизици-

²⁵ «Le Manuel des Inquisiteurs...», pp. 151—153.

онное судопроизводство, развивавшееся в целях уничтожения ереси, сделалось обычным методом, применявшимся в отношении всех обвиняемых. В глазах светского судьи обвиняемый был человеком, стоявшим вне закона. Виновность его всегда предполагалась, и надо было во что бы то ни стало хитростью или силой вырвать его признание. Так же относились и к свидетелям. Узник, сознавшийся под пытку, подвергался новым в надежде, что выдаст «других преступников», которых он мог знать.

Описанная система инквизиции действовала в католических странах Европы и в колониях Испании и Португалии на протяжении столетий. С развитием книгопечатания инквизиция особое внимание уделяет преследованию «крамольной» литературы. С этой целью в XVI в. в Риме при конгрегации инквизиции создается специальный департамент цензуры, составлявший «Индекс запрещенных книг», последнее издание которого вышло в 1948 году. В «Индексе» фигурируют гуманисты эпохи Возрождения, просветители XVIII в., крупнейшие писатели, прогрессивные мыслители, виднейшие ученые. За издание и чтение книг, занесенных в «Индекс», на верующих накладывались суровые кары, вплоть до тюремного заключения и сожжения на костре. В XVIII в. инквизиция приходит в упадок. В странах, где укрепляется система так называемого просвещенного абсолютизма, деятельность инквизиции ограничивается. Просветители, идеологи рвущейся к власти буржуазии повсеместно требуют ее запрещения. Наполеон I наряду с другими феодальными институтами отменил инквизицию во всех странах, оккупированных его войсками. В Испании на территории, занятой французскими войсками, инквизиция была запрещена в 1808 году. Кортесы в Кадисе, в свою очередь, отменили инквизицию в 1813 году. С падением Наполеона I и возвращением в Испанию Фердинанда VII инквизиция была восстановлена, но после революции 1820 г. вновь запрещена. Три года спустя Фердинанд VII восстановил «священные трибуналы» под новой вывеской — «хунты по делам веры», возглавляемые епископами. Эти учреждения весьма энергично выполняли свои инквизиторские функции. На их совести лежат два последних аутодафе в Испании. 7 марта 1826 г. отлученный от церкви по обвинению в масонстве и переданный светским властям на расправу, Антонио Каро был публично повешен и затем четвертован в Мурсии. В том же году погибла на эшафоте последняя официальная жертва инквизиции — школьный учитель Каэтано Риполь. Участник освободительной войны испанского народа против Наполеона, Риполь попал в плен к французам и несколько лет провел в заточении во Франции. После падения Наполеона он вернулся на родину, где в небольшом местечке близ Валенсии открыл начальную школу. Инквизиторы арестовали Риполя, обвинив его в том, что он запрещал своим ученикам посещать церковь, молиться, причащаться и исповедоваться. На допросах Риполь заявил, что верит в бога, но не считает себя католиком и отрицает за инквизицией право судить его. В течение двух лет инквизиторы добивались от него отречения и «примирения» с церковью. Риполь мужественно отстаивал свои взгляды. Инквизиционный трибунал объявил его еретиком, «отторг» от церкви и передал его дело «светской руке» — королевскому суду, который приговорил Риполя как «упорствующего и злобствующего еретика» к конфискации имущества, смертной казни через повешение и к символическому сожжению. Последнее выразилось в том, что после повешения труп Риполя был брошен в бочку, разрисованную языками пламени, и в таком виде захоронен на «неосвященной» земле. Аутодафе и казнь над Риполем состоялись на одной из площадей Валенсии 26 июля 1826 года. Монахи, сопровождавшие осужденного на эшафот, пытались вырвать у него отречение обещанием отмены смертной казни, но Риполь предпочел виселицу сделке со своей совестью²⁶.

Это последнее преступление испанской инквизиции вызвало волну возмущения во всем цивилизованном мире, что заставило Фердинанда VII распустить «хунты по делам веры». Но формально инквизиция продолжала еще существовать. Только после смерти Фердинанда, в 1834 г., она была окончательно отменена и в Испании. В испанской Америке инквизиция была ликвидирована патриотами в процессе войны за независимость (1810—1826 гг.). Дольше всего «священные трибуналы» продержались в папских владениях в Италии, где они были восстановлены после падения Наполеона I и упразднены только в 1859 году. А папская конгрегация инквизиции («священная канцелярия»), действовавшая с 1542 г., была отменена только II Ватиканским собором. Она прекратила свою деятельность лишь в 1966 году.

²⁶ M. Menendez y Pelayo. Historia de los heterodoxos españoles. T.IV. Buenos Aires. 1945, pp. 188—189.